

ЧЬЯ ПРОТАЛИНА?

Увидела Сорока первую проталину — тёмное пятнышко на белом снегу.

— Моя! — крикнула. — Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена, жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку — отогревается. У Сороки глаза разбежались, уж и клюв разинула, да откуда ни возьмись — Грач.

— Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам шастала, а теперь на мою проталину! Некрасиво!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока. — Я первая увидела!

— Ты увидела, — гаркнул Грач, — а я о ней всю зиму мечтал. За тыщу вёрст к ней торопился! Ради неё тёплые страны покинул. Без неё и меня бы тут не было. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

— Что он тут каркает! — затарахтела Сорока. — Всю зиму на юге грелся-нежился, ел что хотел, а вернулся — проталину ему без очереди подавай! А я всю зиму мёрзла, с помойки на свалку металась, вместо воды снег глотала и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, только на вид тёмный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где — на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму её ждала, все глаза проглядела. А я, может, так торопился с юга к ней, что чуть крылья в пути не вывихнул.

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок. — Если поискать, так тут ещё и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное — и петь неохота. А сейчас песня так и рвётся из клюва — даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало — и полилась песня как весенний ручеёк: зазвенела, забулькала, зажурчала. Сорока и Грач клювы разинули — заслушались. Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать и каркать.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

И выглянул Крот — зашмыгал носом.

— Никак прямо в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, тёплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у вас наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач. — Хоть и слепой...

— Тебе-то зачем наша проталина? — проскрипел Жаворонок.

Крот принялся к Грачу, к Сороке, к Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и назад. Потому что чую: погано у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да ещё

и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Ещё и весна у вас тут какая-то...

— Как ты можешь так говорить? — ужаснулся Жаворонок. — Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

— Не знаю и знать не хочу! — фыркнул Крот. — Не нужна мне никакая весна, у меня под землёй круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются, — мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

— А на проталинах скандалы начинаются, — снова фыркнул Крот. — А ради чего? Проталина как проталина.

— Не скажи! — подскочила Сорока. — А семена? А жуки? А ростки зелёные? Всю зиму без витаминов.

— Посидеть, походить, размяться! — гаркнул Грач. — Носом в тёплой земле порыться!

— А петь-то как над проталинами хорошо! — взвился Жаворонок. — Сколько в поле проталин — столько и жаворонков. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

— А чего тогда спорите? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петь — пусть поёт. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Правильно! — сказала Сорока. — А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка.

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились.

Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в тёплой земле порыться, червячка заморить.

— Пора и мне! — Крот сказал. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

КРОТ

— Кто тут? — подскочила Сорока. — Не гриб ли уж из земли лезет?

Кучка земли распалась, и высунулся из неё... Крот!

— Уфф! — сказал Крот. — Благодать. Пахнет. И в самом деле благодать: солнце, трава, цветы.

— Но ты-то, слепой, чему радуешься? — удивилась Сорока. — Не видишь же ничего!

— Зато чую! — обиделся Крот. — Душа замирает от благоуханий!

— Сейчас душа твоя ещё больше замрёт, — пообещала Сорока. — Судить тебя будем, Крот!

— Не виноват! — хрюкнул Крот. — Ни перед землёй, ни перед небом!

— Виноват! — сказала Сорока. — Перед людьми виноват! Имя, фамилия, профессия?

— Крот я обыкновенный. Потомственный землерой. Живу и работаю под землёй. Под землёй родился, под землёй и умру...

— Нас не разжалобишь! — затарахтела Сорока. — Ты зачем в цветниках и парках корни подкапываешь? Отвечай!

— Виноват! Сослепу. Столько там под землёй разных корней напутано — поди разберись. Тут и глазастый-то проморгает. Нечаянно я.

— За нечаянно бьют отчаянно! Слыхал? Это не оправдание.

— Есть у него оправдание! — вмешался Ёж. — Дайте я за него скажу. Он свой вред — как это? — ком-пен-сирует. Поедает вредных жуков и личинок, которые тем самым корням больше его вредят. Это раз.

— А вот и два! — не успокаивается Сорока. — Он ещё луга своими кротовинами засоряет. Косари жалуются.

— Да! — защищает Ёж. — Засоряет! Но зато какую он — как это? — аэ-ра-цию в земле делает! Ты и слова-то не слыхала такого, а он — делает. Взрыхляет, вскапывает, землю перемешивает. А от этого трава гуще и выше растёт. Вреда-то чуть, зато сколько пользы! Его на Доску Почёта надо, а не на скамью подсудимых.

— А у меня на него и в-третьих есть! — не уймётся Сорока. — Жалуются, что он картошку и морковку в огородах грызёт. Отвечай, грызёшь или нет?

На что уж Крот молчалив, а не вытерпел.
— Не грызу! — сказал. И умолк.

А Ёжик расхохотался.

— Послушай! — сказал Ёж. — Так он же — как это? — на-се-комо-ядный! Как и я. Не нужны нам ни овощи, ни фрукты. У нас от них только живот заболит. По незнанию говорят. Я тоже по ночам в огороды наведываюсь. Не за морковкой, а за личинками и слизняками. Так и Крот. А он там ещё и аэрацию проводит. Своими глазами видел.

— Помолчи! — сказала Сорока. — У меня от твоих учёных слов даже голова разболелась. Провались ты, Крот, вместе со своей аэрацией!

И Крот провалился, словно и не бывало.

— Проголодался! — хихикнул Ёж. — Аэрацию делать отправился, молодец. Старательный — весь в меня.

КЛЁСТ И ДЯТЕЛ

— Смотрю, Дятел, на твой нос и сравниваю со своим, — сказал Клёст. — Твой прямой, как стамеска, а мой как две кривые отвёртки. И всё-таки мой кривой лучше твоего прямого будет.

— И чего в нём, кривом, хорошего? — отвернулся Дятел. — А из-под моего, прямого, только щепки летят.

— В этом-то и беда! — вскрикнул Клёст. — Ты стамеской своей деревья портишь, а я от-

вёрткой кривой всего лишь чешуйки на шишках отгибаю, семена достаю. Глядишь, одно-другое семечко уроню — оно и прорастёт. Выходит, я лес сажаю, а ты его рубишь. И лесу, выходит, я друг, а ты — враг. И всё из-за твоего прямого носа!

Дятел от обиды даже долбить перестал. — Полюбуйся-ка на свои труды! — не унижается Клёст. — Осину исковырял, словно её топором тесали.

— Осина больная была. Я её от сверлильщиков и точильщиков разных спасал. Этим вот самым носом!

— С-спасибо, Дятел, — проскрипела Осина. — От с-смерти спас-с — с-совсем засыхала.

Клёст от удивления клюв свой кривой разинул.

— Но он, долбонос, и здоровые деревья калечит! Вон как Берёзу изрешетил — словно дробью прострелянная. Вся береста в следах.

— Не слёзы это, — прошелестела Берёза. — Просто капельки сока выступили из пробойнок. Пробойники заплывут, я и думать о них забуду.

— А я не забуду! — пискнула Бабочка-траурница. — Капельки эти весной меня от голода спасли. Спасибо, Берёза!

— Спасибо, Дятел, — замахали усиками муравьи. — Целебный берёзовый сок нам силы вернул: очень мы за зиму отощали.

— Спасибо, Берёза и Дятел, — запищали синички белощёкие, долгохвостые и хохлатые. — Славно мы сладким соком поугощались!

Все кричали, пищали, свистели. Только Дятел смотрел на Клеста и молчал.

А Клест не хотел молчать, так и вертел своим кривым носом.

— Ты, — кричит, — глубокие дупла в деревьях выдалбливаешь! А сколько, сколько вас, дятлов, в лесу? Каждый по дуплу — и весь лес дырявый. Я, значит, сажаю, а вы дырявите!

— Чем больше дупел в лесу, — крикнул Поползень, — тем больше нас, дуплогнёздников! А чем больше нас — тем меньше лесных вредителей! А чем меньше лесных вредителей — тем лесу лучше! А чем лучше лесу — тем лучше всем! И тебе, Клест, тоже!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту. Клест только крылышками развёл.

— У-го-годил Дятел и мне! — выкрикнул Сыч. — В дуплах у меня морозильники. Мышей и полёвок зимой замораживаю. Про запас. А от них лесу вред.

— Слыхал? — снова Дятел Клеста спросил. Тут Синичка-гаичка пищит:

— Гай, гай, где бы мы, пичужки, в мороз и вьюгу зимой прятались, где бы зимнюю ночь коротали? Спасибо ему, строителю-долбоносу!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту. А того уже и след простыл.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Увидела Сорока Зайца — ахнула:

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой?
Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. —
А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званым...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх сложи
люблю! Позвали, значит, тебя, беднягу,
в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама зна-

ешь, что ни день — то день рождения. Я сосед смирный, меня все приглашают. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакал я к ней. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих в нос суёт: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Я их сейчас в лесу на каждом прыжке встречаю. Насмотрелся досыта. Но я смирный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопаухие!» Что тут началось! «Ты, — кричит, — что, окосел? Стройненьких да грациозненьких зайчаток моих колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсучиха спрашивает: «Ну как детишки мои, нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил: «Стройненькие, говорю, какие они у тебя да грациозненькие!» — «Какие, какие? — оцетинилась Барсучиха. — Сам ты, кощей, стройненький да грациозненький! И отец твой и мать стройненькие, и бабка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш костлявый заячий род! Его в гости зовут, а он насмехается! Не слушай-

те его, мои красавчики, мои тюфячки под-
слеповатенькие!»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Слышу, Белка с ёлки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты уже видел?» — «Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, что-то в глазах двоится...» А Белка не отстаёт: «Может, ты,

Заяц, и смотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!» — «Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы я, да снизу-то мне их в гезде-гайне не видно! А на ёлку к ним не залезть». — «Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай: какие мои бельчата?» — «Всякие, — отвечаю, — такие и этакие!» Белка пуще прежнего сердится: «Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!» — «Умные они у тебя и разумные!» — «Сама знаю». — «Самые в лесу